

ИНВЕСТИЦИИ И ИННОВАЦИИ INVESTMENT AND INNOVATIONS

УДК 339.7

DOI 10.52575/2687-0932-2022-49-1-59-66

Финансовые инновации развития социальной и солидарной экономики

Зенкина Е.В.

Российский государственный гуманитарный университет
Россия, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6
E-mail: evzenkina@mail.ru

Аннотация. В мире существует ряд экономических проектов социальной экономики, основанных на принципах братства, солидарности, объединивших свободных и равных перед законом граждан, стирающих границы между экономическим и социальным аспектами жизни общества. Учитывая растущую урбанизацию, распад традиционных связей, распространение индивидуализма, доминирование материальных ценностей и атомизации общества, рассматриваемые в статье дополнительные денежные системы выступают в качестве инструмента, восстанавливающего социальные связи и объединяющие людей в социальные сети, чтобы противодействовать социальной изоляции, и, в целом, позволяющие выстраивать солидарное и горизонтальное общество. Это эффективный инструмент социальной инженерии. Концепция солидарности занимала важное место и в истории русской мысли. Однако, в современной России, на наш взгляд, практики солидарной и социальной экономики (ССЭ) могли бы стать действенным подспорьем в таких сферах, как экологически сбалансированное развитие, оживление экономической деятельности и оздоровление социального климата в депрессивных регионах, а также в целом драйвером развития социального капитала. В данной статье рассмотрен аспект финансовых инноваций развития ССЭ – это увеличение доступных населению средств обмена внутри отдельного сообщества. В частности таких, как: банки времени (time banks), системы местного торгового обмена (LETS). Исследовательская гипотеза состоит в том, чтобы проанализировать, как устойчивость территории может быть повышена при использовании различных денежных систем, которые выступают в качестве инструмента, восстанавливающего социальные связи и объединяющего людей. Исследовательский подход основан на сравнении первого поколения дополнительных валют, устройства второго поколения банков времени и третьего поколения взаимодополняющих валют, что, таким образом, способствует пониманию роста сферы социальной и солидарной экономики в настоящее время. В результате исследования было доказано, что дополнительные валюты четвертого поколения не только формируют социальные связи между людьми, но и используются в рамках реализации социальных и экологических программ. Отметим, что результаты исследования открывают новое теоретическое направление в исследовании проблем устойчивого развития.

Ключевые слова: дополнительные валюты, партнерство, инновации, социальная и солидарная экономика, сотрудничество, репутация, дополнительные денежные системы, экосистемы, устойчивое развитие

Для цитирования: Зенкина Е.В. 2022. Финансовые инновации развития социальной и солидарной экономики. Экономика. Информатика. 49(1): 59–66. DOI 10.52575/2687-0932-2022-49-1-59-66

Financial innovations of social and solidarity economy development

Elena V. Zenkina

Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya Sq, Moscow, GSP-3, 125993, Russia
E-mail: evzenkina@mail.ru

Abstract. There are a number of economic projects of social economy based on the principles of fraternity, solidarity, uniting free and equal before the law citizens, erasing the boundaries between the economic and social aspects of society. Given the growing urbanization, the breakdown of traditional ties, the spread of individualism, the dominance of material values and the atomization of society, the additional monetary systems considered in the article act as a tool that restores social ties and unites people into social networks to counteract social exclusion, and, in general, allows us to build a solidarity and horizontal society. It's an effective tool for social engineering. The concept of solidarity occupied an important place in the history of Russian thought. However, in modern Russia, in our opinion, the practices of a solidarity and social economy (SSE) could become an effective help in such areas as environmentally balanced development, revival of economic activity and recovery of the social climate in depressed regions, as well as in general the driver of the development of social capital. This article considers the aspect of financial innovation of the development of SSE - this is an increase in the means of exchange available to the population within an individual community. In particular, such as: time banks, local trade exchange systems (LETS). The research hypothesis is to analyze how the sustainability of the territory can be enhanced by using different monetary systems that act as a tool that restores social ties and unites people. The research approach is based on a comparison of the first generation of additional currencies, the device of the second generation: time banks and the third generation of complementary currencies, which thus contributes to an understanding of the growth of the social and solidarity economy at present. As a result of the study, it was proved that the additional currencies of the fourth generation not only form (promote) social ties between people, but are also used in the implementation of social and environmental programs. Note that the results of the study open a new theoretical direction in the study of problems of sustainable development.

Keywords: additional currencies, partnership, innovation, social and solidarity economy, cooperation, reputation, additional monetary systems, ecosystems, sustainable development.

For citation: Zenkina E.V. 2022. Financial innovations of social and solidarity economy development. Economics. Information technologies. 49(1): 59–66 (in Russian). DOI 10.52575/2687-0932-2022-49-1-59-66

Введение

В июле 2014 года так называемый закон Б. Хамона о социальной экономике и экономике¹ солидарности [Биглова, 2018] открыл новые возможности, признав в его статье 16 «дополнительные ценные бумаги в местной валюте». Это беспрецедентное международное признание имело место во время работы «Исследовательской миссии по дополнительным местным валютам и местным системам обмена» под руководством Жана-Филиппа Маньена и Кристофа Фуреля, окончательный отчет которой был опубликован в апреле 2015 года (Magnenand Fourel, 2015). Эта статья закона была направлена на обеспечение юридической безопасности опыта введения дополнительных местных валют, который проходил с начала 2010-х годов во Франции, подхватив опыт начала 1990-х годов в США.

Дело в том, что дополнительные валюты часто разрабатываются специально для решения конкретных вопросов или проблем, например, улучшения кооперации, развития малого и

¹ Закон № 2014-856 от 31 июля 2014 г. «О социальной экономике и экономике солидарности», Légifrance. Речь идет о принятом во Франции законе, где дается определение социальной и солидарной экономики, являющейся «способом предпринимательства и экономического развития, адаптированным ко всем сферам деятельности человека». Он направлен, в частности, на создание правовой базы, позволяющей установить конкретное финансирование SSE со стороны участников солидарного финансирования, фондов или даже местных сообществ.

среднего предпринимательства, активизация местного рынка, снижение потребности в национальной валюте, что направлено на развитие общин. Эти валюты предназначены для ежедневного потребления местными жителями и, следовательно, основаны на их признании местными предприятиями и предприятиями. Они пропагандируют формы территориального закрепления производственной и коммерческой деятельности, способствуют процессу экономических и социальных преобразований, что приводит к повышению устойчивости территории.

Методология исследования

Для достижения поставленной цели и решения задач использовались диалектический и системный подходы, общенаучные методы ретроспективного, ситуационного, компаративного, факторного анализа, контент-анализ научной литературы, экономико-статистический, сравнительный, аналитические методы исследования. Исследовательский подход основан на сравнении первого поколения дополнительных валют, устройства второго поколения: банков времени и третьего поколения взаимодополняющих валют, что, таким образом, способствует пониманию роста сферы социальной и солидарной экономики в настоящее время.

Теоретическая основа исследования

Первое поколение дополнительных валют, появившееся с использованием модели LETS, Local Exchange Trading Systems, в 1980-х годах, было особенно активным до 1990-х годов [Aldridge Theresa J., Patterson Alan, 2002].

Инициированное канадскими летами, движение, основанное на применении дополнительных валют, распространилось в Великобритании, а затем во Франции с помощью les SEL (местной торговой системы). Эти дополнительные валюты, в большинстве случаев, бывают основаны на времени (времени действия) [Bernard Lietaer, 2004].

В этом первом поколении также заметна роль аргентинского trueque. Он разворачивается в автономном пространстве в форме регулярных ярмарок, проводимых волонтерами. Чтобы торговать на ярмарке, нужно присоединиться, пройти обучение работе *podo* (местного клуба) и получить ваучеры (бумажные деньги), которые позволяют совершать первые обмены. Предпочтение отдается производству самими пользователями, которые становятся «покупателями», то есть как производителями (таким образом, получая внутреннюю валюту), так и потребителями (таким образом, тратя эту валюту) [Bernard Lietaer, 2001].

Чтобы соответствовать характеристике валют, упомянутых Жеромом Бланом в его исследовании о сосуществовании множества валют, характерной чертой этих валют является то, что они формально неконвертируемы, то есть невозможно произвести конвертацию из дополнительной валюты в национальную. Они также являются так называемыми валютами «взаимного кредита», то есть без предварительного создания валюты: счета участников, участвующих в обмене, одновременно зачисляются (для того, кто оказывает услугу) и списываются (для того, кто получает услугу).

Таким образом, это в основном непрофессиональные обмены, направленные на оказание взаимной помощи между отдельными лицами. Однако введение дополнительных валют возможно при партнерских отношениях с местными органами власти. Подчеркнем, что местные валюты не могут использоваться за границей, и они всегда циркулируют локально, принося пользу именно местной экономике [Мировая экономика, 2019; Мировая экономика и международные экономические отношения, 2021]. Если отбросить исключительный случай в Аргентине, эти устройства первого поколения неуклонно набирали обороты: в 2012 году их было зарегистрировано 1412 [Seyfang Gill, 2002].

Далее, немного подробнее об устройствах второго поколения: так называемых банков времени: валют, способных поддерживать местный бизнес, испытывающий нехватку нацио-

нальной валюты¹. Подобно LETS и sales «банки времени "устанавливают валюты" взаимного кредита», но эти обмены сосредоточены исключительно на услугах (в отличие от 1-го поколения), в то время как их учет осуществляется на основе времени, затраченного на их предоставление [Lee, S., 2020]. Обмены соблюдают строгий принцип равенства: один час равен одному часу независимо от того, какую услугу вы предоставляете. У каждого участника есть «тайм-аут», в котором учитываются полученные и оказанные услуги.

В отличие от большинства видов опыта, подобных LETS, банки времени могут поддерживать тесные связи с местными органами власти или организациями социальной и солидарной экономики для достижения социальных целей (форм местной социальной взаимопомощи) и неэкономических целей. Это относится к итальянским или британским временным банкам. Это второе поколение дополнительных валют успешно существовало благодаря Квебекской модели предоставления услуг, которая сочетает в себе обмен временем и коллективными услугами с целью борьбы с отчуждением и бедностью. В 2012 году наблюдалось 1715 банков времени [Seysfang Gill, 2002].

Третье поколение взаимодополняющих валют начинается с Ithaca Hour, валюты, созданной в 1991 году, с учетом провала внедрения LETS и ограничений, обусловленных принципом взаимного кредитования для разработки транзакций с участием профессиональных поставщиков. Этот тип валюты (наиболее известной валютой которого является Химгауэр) переживает второе дыхание с начала 2000-х годов в общинных банках по образцу Банка Пальмас [Jeffrey Jacob, Brinkerhoff Merlin, Jovic Emily, Wheatley Gerald, 2002]. Итацкие Часы должны были не только стать дополнительным инструментом финансирования бизнеса, но и повышения покупательной способности жителей города, через предоставление им возможности зарабатывать Часы, в рамках взаимного обмена товарами и услугами. Идея состояла в том, чтобы создать бумажные денежные единицы, способные поддерживать местный бизнес, испытывающий нехватку национальной валюты.

Лишь немного позже Химгауэр появляются в Великобритании с местными валютами нескольких «городов с переходной экономикой», в том числе в Тотнесе, Брикстоне и Бристоле. Тем временем подобная модель дополнительных денег появилась во Франции (вместе с окситаном в Пезене и пчелой в Вильнев-сюр-лот) в самом начале 2010 года. Динамика создания дополнительных новых валют во Франции соответствует этой модели, и в 2017 году в настоящее время проводится около сорока экспериментов, включая eusko и эквивалентное количество проектов. В настоящее время в мире насчитывается около 200 местных валют [Bank for International Settlements, 2021].

Результаты исследования

Местные валюты представляют собой третье поколение более широкого движения ассоциативных денежных инноваций, рожденных в 1980-х годах и не имеющих аналогов в истории индустриальных обществ [Кроль, 2020]. Повторим, что первым поколением было LETS (локальные системы обмена и торговли), из которых SEL (локальные системы обмена) были французской адаптацией с 1994 года, а временные банки были вторым поколением, адаптированным во Франции. Несмотря на то, что во второй половине 1990-х годов SEL переживали быстрый рост, их модель исчерпала себя, и сегодня она потеряла способность подвергаться сомнению категории богатства, обмена и денег. Размышления и эксперименты с местными денежными средствами теперь в большей степени строятся вокруг проектов в

¹ Например, валюты Deli dollars, запущенной владельцем популярного гастрономического ресторана Deli в Нью Берингтоне (штат Массачусетс). Deli dollars выступили по сути как инструмент кредитования ресторана его клиентами. Владелец Deli, не получив банковский кредит на расширение ресторана, обратился к своим постоянным клиентам с предложением купить купюры Deli dollars за 8 долларов, и получить возможность обменять их в течение года на обслуживание в ресторане стоимостью 10 долларов. За 30 дней, владелец ресторана смог продать созданных им дополнительных денежных единиц на сумму в 5 тысяч долларов.

местной валюте. Таким образом, именно в отношении местных валют: на что способны эти устройства, и при каких условиях они могли бы развиваться дальше.

В отличие от предыдущих двух моделей, для третьего поколения дополнительных валют характерно то, что существует фиксированная эквивалентность обмена местной валюты с национальной валютой и, таким образом, устанавливаются формы конвертируемости [Малинина, 2009]. Эмиссия в местной валюте покрывается эквивалентным резервом в национальной валюте. Вход в систему облегчается тем фактом, что эти валюты привязаны к евро и всегда торгуются по паритету. Таким образом, в отличие от предыдущих устройств, необходимо конвертировать официальную валюту в местную валюту, чтобы затем ее можно было использовать в денежной сети. Если выезд путем конвертации местной валюты в национальную валюту не всегда принимается, когда это принято, как правило, только для поставщиков услуг, штрафы за выезд направлены на ограничение рисков массовой перепродажи местной валюты. Они также принимают бумажную форму, хотя постепенно появляются цифровые версии, дополняющие их тираж. Хотя все эти местные валюты можно использовать в сочетании с национальной валютой, все равно есть стремление к тому, чтобы их усовершенствовать и сделать более эффективными в управлении ими, в экономическом воздействии своей деятельности и в своих отношениях с социально-экономическим миром [EASPD, 2020].

Дополнительные валюты предназначены для ежедневного потребления местными жителями и, следовательно, основаны на их признании местными предприятиями и предприятиями. Они пропагандируют формы территориального закрепления производственной и коммерческой деятельности и иногда заявляют, что стремятся к их «перемещению». В основе размышлений, приведших к их внедрению, действительно лежит стремление начать процесс экономических и социальных преобразований для будущего общества на основе действий граждан, начатых в рамках восходящей логики, чтобы повысить устойчивость территории к потрясениям [Itçaina, X.; Richez-Battesti, N., 2018; Stryabkova E.A., Vladyka M.V., Lyshchikova J.V., Kochergin M.A., Rzayev A.Y., 2021].

Отметим, что, учитывая растущую урбанизацию, распад традиционных связей, распространения индивидуализма, доминирования материальных ценностей и атомизации общества, такие денежные системы выступают в качестве инструмента, восстанавливающего социальные связи и объединяющие людей в социальные сети, чтобы противодействовать социальной изоляции, и, в целом, позволяющие выстраивать солидарное и горизонтальное общество. Это эффективный инструмент социальной инженерии.

Такая экономическая ориентация и забота об эффективности и зрелости все чаще приводят к поиску адекватного сотрудничества [Mendoza, J., Roman, C., Hernandez, M., 2019]. Кстати, в этом отношении решающее значение могут иметь партнерские отношения с местными банками (например, с муниципальным кредитом в случае фиолетовой почвы в Тулузе) или с местными органами власти (как в случае с бристольтским фунтом).

Четвертое поколение дополнительных валют начало появляться в начале 2000-х годов. Его особенность заключается в том, что в них больше, чем раньше, учитывалась экологическая забота. Мультиплексивность этих проектов еще больше усложняет необходимую инженерную работу их функционирования и вынуждает искать дорогостоящие технические решения [Ellen MacArthur Foundation, 2020]. Это также приводит к установлению сложных партнерских отношений, которые сближают местные органы власти, экономические субъекты и национальные или даже европейские организации или программы, а также к экспериментированию, прежде чем приступить к более широкому масштабу [Stryabkova E.A., Glotova A.S., Titova I.N., Lyshchikova J.V., Chistnikova I.V., 2018].

Цель этих валют состоит в том, чтобы оценивать так называемое добродетельное поведение, ЭКО-жесты или эко-поведение или даже акты ответственного потребления, в то же время обычно связанные с торговыми обменахми [Bastida, M.; Vaquero, A.; Cancelo, M.; Olveira, A., 2020].

Например, Eсо-ігіs преследовала двойную цель: с одной стороны, поощрение устойчивого поведения, благоприятного для окружающей среды и людей, а с другой стороны, поддержка местного экономического развития. Но цель проекта также заключалась в том, чтобы стимулировать создание связей и социальную сплоченность. Столичный регион Брюссель инициировал и профинансировал внедрение этого механизма в начале 2012 года. Чтобы получить эко-ирисы, граждане должны были выполнить ранее определенные экологические жесты, такие как использование общественного транспорта, снижение стоимости электроэнергии или потребления воды, участие в коллективном создании огорода, использование опоры дерева, покупка велосипеда и т. д. После того, как Эсо-ігіs получены, гражданин может тратить в отношении товаров и / или услуг у магазинов-партнеров (питание, здоровье, одежда, лечение, строительство, сделай сам, украшение и т.д.). В Бельгии появились другие устройства, такие как Toreke или e-portemonee [Spear, R.; Defoumy, J.; Laville, J.L., 2018]. В целом таких систем остается немного, если они оказываются громоздкими для установки как с финансовой точки зрения, так и с точки зрения требуемой инженерии: их насчитывалось около десяти во всем мире.

Заключение

Взаимодополняющие валюты разнообразны как по своей денежной структуре, так и по мобилизованным средствам и применяемым подходам [Зенкина, 2017; Зенкина, 2020]. Однако у них есть общие возможности в отношении территориальных проблем. С территориальной точки зрения, считаем, что основные задачи, на которые нацелены эти валюты, можно обобщить следующим образом: территориализация деятельности, активизация торговли и трансформация практики образа жизни и социальных представлений [Gallego-Bono, J.R.; Chaves-Avila, R., 2019; Salathé-Beaulieu, G.; Bouchard, M.J.; Mendell, M., 2019].

Прежде всего, следует подчеркнуть, что в любом дополнительном валютном проекте цели должны быть в центре процесса создания, внедрения и разработки таких механизмов [Pape, U.; Brandsen, T.; Pahl, J.B.; Pieliński, B.; Baturina, D.; Brookes, N.; Chaves-Avila, R.; Rentzsch, C.; Savall, T., 2020]. И эти цели определяют многие организационные и денежные характеристики. Поскольку гибкость валюты позволяет адаптировать ее к целям, определенным заинтересованными сторонами, то интеграция дополнительных валют на территории открывает различные возможности для развития, характер которых зависит от политического, социального и операционного выбора, сделанного при настройке дополнительных валют, а затем последующем контроле за их внедрением, и мобилизованных средств (людских, институциональных, финансовых, технических).

Список источников

- Кроль М. 2020. Дополнительные денежные системы. Режим доступа: <https://www.cloudwatcher.ru> (дата обращения: 15 февраля 2022)
- Мировая экономика. 2019. Щербанин Ю.А., Зенкина Е.В., Толмачев П.И., Грибанич В.М., Дрыночкин А.В., Королев Е.В., Кутовой В.М., Логинов Б.Б. Москва: ООО "Издательство "Юнити-Дана", 503 с.
- Мировая экономика и международные экономические отношения. 2021. Абрамова А.В., Алёшин Д.А., Апанович М.Ю., Арапова Е.Я., Булатов А.С., Волков А.М., Габарта А.А., Галищева Н.В., Горбанев В.А., Дегтерева Е.А., Дегтярева О.И., Елагин Д.П., Жданов С.В., Завьялова Е.Б., Зарицкий Б.Е., Зенкина Е.В., Иванова Н.А., Исаченко Т.М., Кавешников Н.Ю., Калашников Д.Б. и др. Учебник. Москва, Сер. Бакалавриат (4-е издание, переработанное и дополненное).
- Bank for International Settlements. 2021. Global liquidity: selected indicators, BIS website, <http://www.bis.org/statistics/gli.htm>
- EASPD (European Association of Service Providers with Persons with Disabilities). 2020. COVID-19: how social enterprises are fighting back! <https://www.easpd.eu/en/content/covid-19-how-social-enterprises-are-fighting-back>.

Ellen MacArthur Foundation (n.d.). 2020. What is the circular economy?
<https://www.ellenmacarthurfoundation.org/circular-economy/what-is-the-circular-economy>

Список литературы

- Биглова Г.Ф. 2018. Социализация экономики: от проблемы собственности до гуманизации труда. *Финансовый журнал*, 3: 121–130.
- Зенкина Е.В. 2020. В поисках новых инструментов стимулирования экономического развития. *Инновации и инвестиции*, 5: 38–41.
- Зенкина Е.В. 2017. Новые контуры финансового рынка XXI века. *Вопросы новой экономики*, 4(44): 37–42.
- Малинина Е.В. 2009. Эффективность национальной политики в условиях финансовой глобализации: валютный аспект. *Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право*, 3: 228–236.
- Aldridge Theresa J., Patterson Alan. 2002. LETS Get Real: Constraints on the Development of Local Exchange Trading Schemes. *Area*, 34(4): 370–381.
- Bastida, M.; Vaquero, A.; Cancelo, M.; Oliveira, A. 2020. Fostering the Sustainable Development Goals from an Ecosystem Conducive to the SE: The Galician's Case. *Sustainability*, 12: 500.
- Bernard Lietaer. 2004. Urges the Growth of New Currency. *Bank Technology News*, Jul. 1st, available at: accessmylibrary.com. (accessed: 10.02.2022).
- Bernard Lietaer. 2001. *The Future of Money*. Random House, 2001.
- Chaves R.; Monzón J.L. 2018. The social economy facing emerging economic concepts: Social innovation, social responsibility, collaborative economy, social enterprises and solidarity economy. *CIRIEC España Rev. Econ. Pública Soc. Coop.*, 93: 5–50.
- Gallego-Bono J.R.; Chaves-Avila R. 2019. How to boost clusters and regional change through cooperative social innovation. *Econ. Res. Ekon. Istraživanja*. <https://doi.org/10.1080/1331677X.2019.1696694>
- Itçaina X.; Richez-Battesti N. 2018. (Eds.), *Social and Solidarity-based Economy and Territory*. In *From Embeddedness to Co-Construction*; CIRIEC and Peter Lang Publishers: Brussels, Belgium.
- Jeffrey Jacob, Brinkerhoff Merlin, Jovic Emily, Wheatley Gerald. 2002. The Social and Cultural Capital of Community Currency. An Ithaca HOURS Case Study Survey». *International Journal of Community Currency Research*, 8: 43–55.
- Lee S. 2020. Role of social and solidarity economy in localizing the sustainable development goals. *Int. J. Sustain. Dev. World Ecol.*, 27: 65–71.
- Mendoza J., Roman C., Hernandez M. 2019. Social Economy and Public Procurement: The reserved procurements tool. *CIRIEC España Rev. Econ. Pública Soc. Coop.*, 97: 213–244.
- Pape U., Brandsen T., Pahl J.B., Pieliński B., Baturina D., Brookes N., Chaves-Avila R., Rentzsch C., Savall T. 2020. Changing policy environments in Europe and the resilience of the third sector. *VOLUNTAS Int. J. Volunt. Nonprofit Organ.*, 31: 238–249.
- Salathé-Beaulieu G., Bouchard M.J., Mendell M. 2019. Sustainable Development Impact Indicators for Social and Solidarity Economy: State of the Art; UNRISD Working Paper 2019-4; United Nations Research Institute for Social Development (UNRISD): Geneva, Switzerland.
- Seyfang Gill. 2002. Tackling social exclusion with community currencies: learning from LETS to Time Banks. *International Journal of Community Currency Research*, 6(3): 1–11.
- Spear R.; Defourny J.; Laville J.L. 2018. (Eds.) *Tackling Social Exclusion in Europe: The Contribution of the Social Economy*; Routledge: London, UK.
- Stryabkova E.A., Glotova A.S., Titova I.N., Lyshchikova J.V., Chistnikova I.V. 2018. Modeling and forecasting of socio-economic development of the region. *The Journal of Social Sciences Research*, 5: 404–410.
- Stryabkova E.A., Vladyka M.V., Lyshchikova J.V., Kochergin M.A., Rzayev A.Y. 2021. Smart specialization as a comprehensive territorial and sectoral approach to determining regional development priorities. *Journal of Environmental Management and Tourism*, 5(53): 1353–1370.

References

- Biglova G.F. 2018. Socialization of the economy: from the problem of property to the humanization of labor. *Financial Journal*, 3: 121–130 (in Russian).
- Zenkina E.V. 2020. In search of new tools to stimulate economic development. *Innovation and investment*, 5: 38–41 (in Russian).

- Zenkina E.V. 2017. New contours of the financial market of the XXI century. *Issues of the new economy*, 4 (44): 37–42 (in Russian).
- Malinina E.V. 2009. The effectiveness of national policy in the context of financial globalization: the currency aspect. *Bulletin of the Russian State University. Series: Economics. Management. Right*, 3: 228–236 (in Russian).
- Aldridge Theresa J., Patterson Alan. 2002. LETS Get Real: Constraints on the Development of Local Exchange Trading Schemes. *Area*, 34(4): 370–381.
- Bastida, M.; Vaquero, A.; Cancelo, M.; Olveira, A. 2020. Fostering the Sustainable Development Goals from an Ecosystem Conducive to the SE: The Galician's Case. *Sustainability*, 12: 500.
- Bernard Lietaer. 2004. Urges the Growth of New Currency. *Bank Technology News*, Jul. 1st, available at: accessmylibrary.com. (accessed: 10.02.2022).
- Bernard Lietaer. 2001. *The Future of Money*. Random House, 2001.
- Chaves R.; Monzón J.L. 2018. The social economy facing emerging economic concepts: Social innovation, social responsibility, collaborative economy, social enterprises and solidarity economy. *CIRIEC España Rev. Econ. Pública Soc. Coop.*, 93: 5–50.
- Gallego-Bono J.R.; Chaves-Avila R. 2019. How to boost clusters and regional change through cooperative social innovation. *Econ. Res. Ekon. Istraživanja*. <https://doi.org/10.1080/1331677X.2019.1696694>
- Itçaina X.; Richez-Battesti N. 2018. (Eds.), *Social and Solidarity-based Economy and Territory*. In *From Embeddedness to Co-Construction*; CIRIEC and Peter Lang Publishers: Brussels, Belgium.
- Jeffrey Jacob, Brinkerhoff Merlin, Jovic Emily, Wheatley Gerald. 2002. The Social and Cultural Capital of Community Currency. An Ithaca HOURS Case Study Survey». *International Journal of Community Currency Research*, 8: 43–55.
- Lee S. 2020. Role of social and solidarity economy in localizing the sustainable development goals. *Int. J. Sustain. Dev. World Ecol.*, 27: 65–71.
- Mendoza J., Roman C., Hernandez M. 2019. Social Economy and Public Procurement: The reserved procurements tool. *CIRIEC España Rev. Econ. Pública Soc. Coop.*, 97: 213–244.
- Pape U., Brandsen T., Pahl J.B., Pieliński B., Baturina D., Brookes N., Chaves-Avila R., Rentzsch C., Savall T. 2020. Changing policy environments in Europe and the resilience of the third sector. *VOLUNTAS Int. J. Volunt. Nonprofit Organ.*, 31: 238–249.
- Salathé-Beaulieu G., Bouchard M.J., Mendell M. 2019. Sustainable Development Impact Indicators for Social and Solidarity Economy: State of the Art; UNRISD Working Paper 2019-4; United Nations Research Institute for Social Development (UNRISD): Geneva, Switzerland.
- Seyfang Gill. 2002. Tackling social exclusion with community currencies: learning from LETS to Time Banks. *International Journal of Community Currency Research*, 6(3): 1–11.
- Spear R.; Defourny J.; Laville J.L. 2018. (Eds.) *Tackling Social Exclusion in Europe: The Contribution of the Social Economy*; Routledge: London, UK.
- Stryabkova E.A., Glotova A.S., Titova I.N., Lyshchikova J.V., Chistnikova I.V. 2018. Modeling and forecasting of socio-economic development of the region. *The Journal of Social Sciences Research*, 5: 404–410.
- Stryabkova E.A., Vladyka M.V., Lyshchikova J.V., Kochergin M.A., Rzayev A.Y. 2021. Smart specialization as a comprehensive territorial and sectoral approach to determining regional development priorities. *Journal of Environmental Management and Tourism*, 5(53): 1353–1370.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зенкина Елена Вячеславовна, доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой мировой экономики, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Zenkina, Dr. of Sci. (Economy), Associate Professor, Head of the Department of World Economics, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia